

0260

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Фиона Харпер

ТЫ — МОЯ ТАЙНА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Фиона Харпер

Ты – моя тайна

«Центрполиграф»

2012

Харпер Ф.

Ты – моя тайна / Ф. Харпер — «Центрполиграф»,
2012 — (Любовный роман – Harlequin)

Яркий стиль Корины Фрейзер всегда позволял ей находиться в центре мужского внимания. Но подбор одежды для костюмированного уик-энда становится трагедией, когда Корина выясняет, что ей придется носить! Тем временем лучший друг Корины, Адам Конрад, строит собственные планы на эти выходные. После одного поцелуя Корина понимает: Адам – единственный, который видит ее настоящую за ее каблуками и красной помадой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фиона Харпер

Ты – моя тайна

Глава 1

Признания Корины

Я считаю, что мизинец плохо одет, если вокруг него не обернут мужчина, и я всегда стараюсь одеваться безупречно.

Я посмотрела на мужчину, влетевшего в кофейный магазин. Он не только чуть не разлил мой карамельный мокачино на мое лучшее платье в горошек, но даже не удосужился придержать для меня дверь.

Но я не собиралась признавать, что теряю свой шарм. Возможно, он просто не заметил меня, потому что хотел скорее спрятаться от непогоды.

Я попыталась не уронить два картонных стакана с кофе и одновременно открыть дверь локтем. Не получилось. Других вариантов не было. Я вздохнула, повернулась на сто восемьдесят градусов и толкнула дверь своей пятой точкой.

Я быстро добралась до своего магазина – «Сундучок Корины» – магазина винтажной одежды, который по достоинству можно было считать одним из лучших в Лондоне.

Мое настроение стало еще хуже, когда я открыла дверь и перевернула табличку на «Закррито».

Мне вслед ни разу не посигналили и не свистнули! Я не собиралась паниковать раньше времени, но это не предвещало ничего хорошего.

– Что случилось? – спросила Элис, когда я поставила ее латте без кофеина на прилавок.

Моя бизнес-партнер выглядела божественно – огненно-рыжие волосы, бледная кожа, стройная фигура. Ну, сейчас не такая стройная. Она была на седьмом месяце беременности и выглядела так, словно она проглотила мой «фольксваген-жук» на завтрак.

Я сняла пластиковую крышку со своего мокачино и подула на него:

– Что-то не так с мужским населением Лондона сегодня.

Элис хмыкнула. Она слишком хорошо меня знала.

Несмотря на все мои попытки надуть губы, краешки рта все равно приподнялись. Я сделала глоток кофе и улыбнулась ей в ответ. Она стояла, облокотившись на прилавок, и потирала распухшие лодыжки.

– Боже мой, Элис! Ты выглядишь как труп с такими лодыжками.

Она устало посмотрела на меня:

– Ну спасибо.

Я поставила свой стакан на прилавок и ушла в дальнюю комнату. Вернувшись, я протянула Элис ее зонт и сумку:

– Тебе надо пойти домой. Позвони Кэмерону. Я сама справлюсь с инвентаризацией.

Она начала протестовать, но я не отступила. Я вытащила сотовый из ее сумочки и нажала кнопку быстрого набора номера ее мужа и протянула ей телефон, когда услышала гудки. Через пятнадцать минут ее невероятно заботливый муж забрал ее домой, чтобы наполнить для нее ванну, а потом суетиться вокруг нее и выполнять каждый ее гормональный каприз.

Ведь мужчины существуют именно для этого, так?

Нет, я не имела в виду гормоны и утреннюю тошноту. К этому я пока не готова. В обозримом будущем. Потакание моим капризам? Вот к этому я готова.

Как только за Элис закрылась дверь, я отправилась в кабинет в задней части магазина, взяла свой фиолетовый планшет и принялась за работу. Это была несложная работа. Я любила свои сокровища – винтажную одежду и аксессуары. Иногда мне казалось ужасным, что надо открывать дверь магазина и позволять людям уносить отсюда ту красоту, которую я хранила в этом небольшом помещении.

Я вздохнула. Этим вечером я не получала привычного удовольствия от бархата и атласа, от белья из нежного шелка. Что со мной? Я добила всего, ради чего трудилась последние несколько лет. Мне больше не надо стоять на сквозняке за прилавком на рынке, переминаясь с ноги на ногу и проклиная английскую погоду. «Сундучок Корины» теперь из кирпича и цемента, и, благодаря совместному предприятию с мужем Элис, мы стали новым популярным винтажным магазином на юге Лондона.

Клиенты, которые были у меня еще со времени работы на рынке, пришли вслед за мной в мой магазин, и я смогла привлечь молодых светских львиц, считавших, что винтаж – это больше чем просто круто, и готовых выкладывать круглые суммы за что-то, что было сделано классическим дизайнером. Я собрала лучшее из двух миров. Все, что я планировала, на что копила. Тогда почему же я не скачу вдоль вешалок с радостным улюлюканьем, а сижу на полу, пересчитывая одни и те же пары обуви?

Может, потому что я обычно делала это вместе с Элис. Здесь слишком тихо без нее. Мне не с кем было посплетничать и не с кем было разделить радость, если я найду какую-нибудь юбку или блузку, о которой мы совсем забыли. Но отсутствие Элис сегодня вечером означало еще одну плохую перемену в моей жизни.

Когда-то я была в центре группы незамужних девушек, и все были независимыми и свободными, а теперь я оказалась белой вороной. У всех у них теперь мужчины, и им гораздо интереснее красить стены детской, чем переворачивать город с ног на голову. И от этих мыслей я чувствовала себя... одинокой. Брошенной. И мне было некомфортно в этом состоянии. Я видела, что происходит с такими людьми.

Хотя я не завидовала. Правда.

Я проверяла себя. Представляла, что у меня есть маленький кирпичный домик, и я каждым вечером возвращаюсь к одному и тому же человеку, готовлю ужин, оплачиваю счета... Нет, это не по мне. Слишком степенно. Слишком обычно. Люди застревают во всем этом, и остается всего два выхода: либо оба в конце концов смиряются друг с другом, либо кто-то один просыпается однажды утром и замечает, что вторая половина кровати пуста, а к спинке прикреплена записка со спутанными извинениями, и он понимает, что часть его существа исчезла, словно в спешке ее случайно упаковала сбежавшая вторая половинка, вместе с зубной щеткой и носком.

Итак, я не завидовала. Даже чуть-чуть.

Высокомерно, не так ли? Как будто я умаляла то, что смогли найти мои подруги. Но это не так. Я просто хотела...

Я не знала, чего я хотела. Я не понимала, что означала эта ноющая боль внутри, но каждый раз, появляясь, она напоминала мне о походе в мою любимую кофейню, когда я была голодна и мне хотелось чего-то сладкого, но я смотрела на витрину, заставленную выпечкой и кексами, и понимала, что ничего из этого не хочу. Все было каким-то не таким.

Я проводила инвентаризацию шляп и аксессуаров для волос, когда раздался стук по стеклу. Сначала я почти не заметила его, подумав, что это всего лишь дождь, но потом поняла, что даже лондонский дождь не может быть так настойчив.

Я все равно не обратила на него внимания. Честно! Было уже больше семи. И табличка «Закрыто» на двери тоже не была шуткой. Но, зная наше поколение, которое привыкло к Интернету и возможности получить все по одному клику, я понимала – этого явно недостаточно для потенциальных покупателей.

Я постаралась не покачивать бедрами, идя к двери. Это сейчас не поможет.

Прямо над табличкой «Закрыто» я увидела пару глаз и неряшливые каштановые волосы, но я не могла понять, кто это, потому что мужчина приложил руку ко лбу, закрывая глаза от дождя и пытаясь заглянуть внутрь магазина. Отлично. Один из моих несчастных воздыхателей, как их называла Дженни, снова начал меня преследовать.

Но тут он заметил, что я иду к нему, убрал руку от лица и сделал шаг назад. Даже в полумраке искусственного света я узнала его широкую улыбку. И даже увидела ямочки на его щеках.

– Адам! – воскликнула я и бросилась открывать дверь.

Да, это был Адам. Он стоял под дождем, его глаза блестели, в вытянутой руке он держал белый пакет.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, затаскивая его внутрь. – Я думала, ты где-то далеко в джунглях.

– Я там был, – сказал он, отстраняясь от меня. – Но я вернулся.

Улыбка стала еще шире, отражаясь в его темно-карих глазах. Именно такая улыбка заставляла половину моих незамужних подруг умолять меня организовать им свидание с ним, а вторая половина просто теряла самообладание и бормотала что-то вроде «растаявший шоколад» и «иди к мамочке».

Я провела Адама в офис «Сундучка Корины», и, когда он вошел, я почувствовала восхитительный аромат теплых специй.

– Ты принес китайскую еду!

Он кивнул и поставил пакет на середину стола.

– Я позвонил Элис, и она сказала мне, что ты здесь, занимаешься инвентаризацией. Я подумал, сейчас ты уже, наверное, умираешь от голода.

Адам Конрад был одним из моих самых любимых людей во всем мире. И не только потому, что у него, казалось, есть какой-то встроенный радар, благодаря которому он появлялся с готовой едой в тот момент, когда я больше всего в ней нуждалась. Более того, это всегда была именно та еда, которую я хотела. Он никогда не приносил индийскую еду, когда я хотела пиццу, или кебаб, когда мне больше всего хотелось чего-нибудь тайского. Интересно, как ему это удается? Это дар. Настоящий.

Глаза Адама расширились, когда я достала с полки ярко-розовую плетеную корзинку для пикника.

– Маргаритки или розы? – спросила я, показывая на тарелки с узором.

Адам сморщил нос. Улыбка не сходила с его лица с тех самых пор, как он заметил меня в глубине магазина, но сейчас она на мгновение превратилась в гримасу, а потом снова вернулась на свое место. Иногда мне казалось, что его лицо сделано из резины. Нормальный человек не может так много улыбаться.

– Мы не можем просто поесть из картонной коробки? – с надеждой спросил он.

Я покачала головой, и он плюхнулся на старый диван, стоящий у противоположной стены нашей служебной-офиса, и в шутку закрыл глаза руками в знак отчаяния:

– Выбирай сама. Мне ту, которая, по твоему мнению, в меньшей степени повредит моей мужественности.

Я фыркнула.

– Я дам тебе маргаритки, – сказала я с озорным блеском в глазах.

Он лишь приподнял брови и улыбнулся еще шире. И так всегда с Адамом – его невозможно разозлить. Не важно, как далеко я могу зайти, он всегда остается спокойным и невозмутимым. Сначала меня это очень раздражало, и я несколько лет пыталась зажечь его фитиль – поверьте мне, я несколько лет только и пыталась, что сделать это, – но сейчас я очень благодарна ему за его добродушие. Я понимаю, со мной бывает очень трудно, и знаю, что друг,

который готов терпеть меня двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, – это подарок свыше.

Мы разложили еду на тарелки с помощью розовых ложек и стали есть розовыми вилками, рассказывая друг другу новости последних двух месяцев. Обычно у нас не бывает таких долгих перерывов во встречах, но он уезжал по делам. Я думала, это скорее было приключение для мальчика, оплаченное по кредитной карте компании. Ну кто может назвать лазание по деревьям законными деловыми тратами? Хотя Адам так и делает. И он даже со спокойным выражением лица заполняет форму для налогов.

– Ты в порядке?

Я подняла глаза. Моя вилка лежала на тарелке, на ней все еще была королевская креветка. Я не помню, чтобы накалывала ее.

– Я в порядке.

Адам немного нахмурился:

– Просто... ты странно тихая. Для тебя. Мне удастся говорить целые предложения, и ты меня не перебиваешь. И ты без конца вздыхаешь.

– Да? – Собственный голос показался мне отчужденным. Я решила немного отвлечь Адама, потому что не была готова говорить с ним о том, что волновало меня. – Бабушка сказала мне кое-что на днях... – Я взяла свою розовую вилку и обмакнула креветку в соус. – Она сказала, ей кажется, что мои биологические часы тикают.

Адам отреагировал именно так, как я и надеялась. Он громко рассмеялся.

Я скрестила руки.

– Ну, это ерунда, – сказала я, довольно успешно притворяясь раздраженной и надеясь, что Адам проглотит мою отвлекающую приманку. – Даже если у меня и есть часы, в чем я очень сомневаюсь, я их не слышу.

Адам схватил бумажный пакет с кисло-сладкими свиными шариками со стола и заглянул внутрь.

– Это наушники, – пробормотал он, не поднимая глаз.

Думаю, он считал, сколько шариков сможет стащить, чтобы я не заметила.

Я нахмурилась и оглядела офис. О чем он вообще говорил? Наверное, я должна быть ему благодарна. По крайней мере, он переменял тему разговора.

А потом я их заметила – в порванной картонной коробке под столом, забитым зимними вещами, которые я еще не успела разобрать. Я наклонилась и вытащила их одним пальцем.

– Что? Эти наушники? – спросила я, поднимая вверх пару очаровательных детских синих наушников.

Адам поднял глаза, во рту у него был золотистый шарик. Он откусил половину и стал медленно жевать, ни в малейшей степени не смущенный флюидами «давай уже быстрее глотай», которые я посылала ему. Он облизал губы.

– Не совсем, – сказал он, глядя мне в глаза, в то время как его рука снова полезла в картонный пакет. – Я говорил скорее о метафорических наушниках, которые помогают тебе не слышать того, чего ты не хочешь.

Мои пальцы сжались вокруг пластмассового обода, соединяющего два меховых шара.

Адам лениво улыбнулся мне:

– Уверен, у тебя есть и подходящая пара наглазников в горошек. Шелковых, разумеется...

Он замолчал и увернулся от летящих в него наушников. Я быстро наклонилась вперед и схватила свиной шарик из пакета.

Через несколько секунд он сузил глаза. Я подумала, он реагировал на то, что я украла у него еду в ответ, но все оказалось гораздо хуже.

– То, что ты их не слышишь, еще не значит, что часов там нет... и что они не тикают, – сказал он.

Я загнала себя в угол: пора было заканчивать этот глупый разговор раз и навсегда.

– Бабушка ошиблась. Мои биологические часы не тикают, – сказала я настойчиво.

– Как скажешь... – Адам просто невозмутимо улыбнулся мне, поднял наушники, которые приземлились рядом с диваном, и надел их на голову.

Я попыталась объяснить ему, как сильно он заблуждался, и привести много причин, почему я все та же независимая, никогда не скучающая и всегда непредсказуемая Корина, которую он всегда знал, но он просто продолжал кивать головой, улыбаться и повторять «Я не слышу тебя!», показывая на наушники. Я отчаянно хотела сорвать наушники с его головы и засунуть их ему в горло, но мне не следовало портить хороший товар, поэтому я просто стянула его еду. Это послужит для него хорошим уроком.

В конце концов он снял наушники с головы и кинул их мне назад. Его проказливая улыбка поблекла.

– Нет, я на это не куплюсь, – сказал он. – С тобой что-то происходит, и дело тут не в тиканье часов.

Я молча смотрела на свою тарелку.

Когда Адам снова заговорил, его голос звучал наигранно небрежно:

– Если бы это был кто-то другой, я бы решил, что дело в мужчине. Но мне известно из достоверных источников, что в Лондоне полно мужчин, которые таскаются за тобой, как влюбленные щенки, и готовы подраться друг с другом по одному твоему щелчку пальцами.

Я посмотрела на Адама испепеляющим взглядом:

– Достоверный источник?

Я не хотела даже думать, откуда он брал информацию обо мне. Может, какая-нибудь завистница распускает слухи. Я часто сталкиваюсь с подобным.

– Вообще-то это ты. Ты с огромной гордостью заявила мне об этом... года два назад. В ту ночь машина Дейва сломалась по дороге с одного из твоих винтажных показов, и нам пришлось несколько часов ждать эвакуатор.

Ладно, это и правда было похоже на то, что я могла сказать, переполняемая гордостью за себя после успешного модного показа. Я просто не ожидала, что Адам перескажет мне это слово в слово два года спустя.

Хотя правда, мне всего лишь надо щелкнуть пальцами, и вся свора «щенков» тут же прибежит на зов. Это очень приятно. Иногда я делаю так просто для того, чтобы увидеть все эти счастливые лица, а не потому, что мне что-то нужно.

Адам откинулся назад на диване, положил голову на руки и испытующе посмотрел на меня, его глаза блестели.

– Что? – раздраженно спросила я. Мне нужно было остановиться на этом, но у меня слишком длинный нос. Я скрестила руки на груди. – Не сиди так просто и не пялься на меня!

– Мне все понятно... – тихо сказал он. – Ты наконец-то встретила щенка, который не хочет идти по пути изощренных издевательств, которые ты для него приготовила.

Глава 2

Признания Корины

Можно было бы подумать, что к настоящему моменту я устала от того эффекта, который производжу на мужчин, но, должна сказать, мне все так же весело. В тот день, когда он угаснет, я надену пару велюровых спортивных штанов, и мне будет плевать.

Никто не смел называть Николаса Чаттертона-Джонса щенком. Он был холеный и величавый, словно охотничья собака, с шелковистой серой шерстью и родословной в несколько поколений.

Я вздохнула. Я таяла даже при одной мысли о его имени. Он был таким мужчиной, о котором мечтает каждая женщина, – богатым, красивым, обходительным. И я страдала от безответного чего-то к нему. Не уверена насчет слова на букву «л». Это немного слишком драматично. Но симптомы были таковы, что я постоянно думала о нем и часами искала информацию о нем в Гугле, так что, думаю, я на полпути.

– Ты снова это делаешь!

– Что? – Я ничего не делала.

Но потом я поняла, что моя грудная клетка все еще опущена после выдоха. Я махнула плененной креветкой в сторону Адама.

– Давай просто забудем? Тебя это не касается. – Я положила креветку в рот и сердито посмотрела на него.

Адам тоже не был щенком, он был дворнягой. Взрослой. Да, косматой и очаровательной, но, если подойти к нему слишком близко, можно подцепить блох.

И он задел меня за живое своим глупым комментарием.

Сестра Николаса, Изабелла, или Иззи, как она настаивала, чтобы ее звали, была одной из молодых светских львиц, которые решили, что «Сундучок Корины» – это новая сенсация, и она постоянно заходила сюда. У Иззи Чаттертон-Джонс был плотный график мероприятий, и ей всегда нужно было новое платье для чего-то. А сейчас она еще отправляла своих друзей в «Сундучок Корины». Для бизнеса это было превосходно, и мы с Иззи подружились. В некотором роде.

Пораженная винтажным коктейльным платьем из изумрудного и черного шелка, которое я нашла для нее однажды, Иззи приглашала меня на пару своих легендарных вечеринок, и там я впервые встретила взглядом с Николасом.

Он был высокий, выше шести футов, с волосами цвета воронова крыла и скулами, от которых девушки готовы кричать. Словно высокий Джонни Депп без пиратского акцента кокни. Нет, Николас говорил четкими слогами и длинными словами. Я могла слушать его целый день. Под покровом своей спальни я пыталась повторить такие интонации и такой голос, но я родилась и выросла на юге Лондона, и мои гласные просто отказывались звучать так же гладко и идеально.

Мы встречались три раза. Первые два раза я держалась холодно. Я ходила по комнате важно и грациозно, чтобы он смог издали восхищаться мной и спросить у Иззи, кто эта сногшибательная брюнетка. А в прошлые выходные я решила, что пора сделать шаг вперед.

Я услышала шуршание и поняла, что Адам снова вытащил свиной шарик из пакета, пока я не смотрела. Я сощурила глаза, но он просто сидел подложив руку под голову, ухмыляясь, потому что стащил остатки моей половины еды.

Ну ладно, может, в нашей вселенной двое мужчин, которые не собирались пасть к моим ногам и боготворить меня.

Но Адам не в счет. Я познакомилась с ним, когда мне было восемь, а ему двенадцать, а его мама играла в бадминтон с моей бабушкой.

Я наклонилась и забрала у него пакетик со свиными шариками до того, как он их все не съел, не обращая внимания на его недовольный стон. Я взяла теплый сочный шарик из пакета – последний! – и обмакнула его в прилегающую баночку с соусом, потом слизала немного оранжевой жидкости и откусила. Однако Адам этого не заметил, потому что он переключился на тост с креветками и кунжутом.

Видите? Непробиваемый.

Губы – это следующая часть моего тела, на которую таращатся чаще всего. Они обладают практически гипнотизирующим эффектом на большинство представителей мужского пола. И я всегда делаю на них акцент. Крашу красной помадой, для наибольшей видимости и эффекта. Но не тем гадким оранжево-красным. Темно-красным! Как королевы старых фильмов. Я видела, как мужчины пускают слюни при виде того, как я ем, и дело было совсем не в их собственной еде.

Но Адам не был впечатлен.

Ладно, не был очень впечатлен. Скорее мой жест не оказал на него никакого действия. Может, это как-то связано с фактом, что он знал меня до того, как я раскрыла в себе кокетку, когда у меня еще была плоская грудь и никакой талии. Возможно, я должна злиться из-за отсутствия щенячьего обожания с его стороны, но нет. И хотя сейчас мы не могли видеться так часто, как раньше, но он по-прежнему оставался моим Лучшим другом. Каждой девушке нужен Лучший друг.

Он отгонял от меня задир, которые дразнили меня из-за того, что я жила с бабушкой. У него на плече я плакала, когда распалась моя любимая мальчиковая группа и когда в пятнадцать лет я случайно отрезала челку слишком коротко. Ему первому я позвонила в тот день, когда мы с Элис получили ключи от нашего нового магазина, и он примчался с бутылкой шампанского, и мы сидели на полу здания, которое вскоре стало «Сундучком Корины», и поднимали тосты бумажными стаканчиками. Адам был моей группой поддержки, моим старшим братом, моим телохранителем, и, видимо, за это я готова была простить ему отсутствие «щенячности».

Но мысли о щенках заставили меня снова вспомнить о Николасе, и теплота, появившаяся при мыслях о моем Лучшем друге, снова исчезла.

Почему я ему не нравлюсь? Ну почему?

Возможно, я бы смирилась с ударом по моему эго, если бы он не был настолько красив и настолько совершенен. Адам бы сказал, так мне и надо, но это несправедливо. Никто не заслуживал такого несчастья. И я чувствовала себя так уже целых три недели. Если в ближайшее время Николас не изменит своего мнения, я буду готова надеть эти велюровые спортивные штаны!

– Итак...

Адам наклонился и протянул мне утешительный креветочный тост из контейнера, который лежал у него на коленях, и посмотрел мне в глаза. Я проигнорировала креветочный тост и сконцентрировалась на теплых карих глазах.

– Кто этот образец мужественности, который заставил тебя так нервничать?

Я узнала этот взгляд. Адам пытался казаться веселым, но его глаза оставались серьезными. Возможно, он беспокоился за меня. Проявлялась эта его сторона телохранителя и старшего брата. Может, это и к лучшему. Плечи Адама, не такие широкие, как у Николаса, идеальны для того, чтобы на них плакать.

Единственная проблема заключалась в том, что сейчас, по-моему, Адам не очень хотел вытирать мои слезы своей рубашкой. Он опять был сосредоточен, его глаза, казалось, сверлили

дырки у меня во лбу. У меня в запасе не было больше никаких остроумных ответов, мой сундучок потрясающих комментариев был пугающе пуст.

Глаза Адама не стали мягче, но он встал и погладил меня по плечу.

– Он идиот, кем бы он ни был, – сказал он грубо.

Потом он взял меня за руку и повел к дивану.

Адам даже позволил мне сесть с той стороны, где не так сильно торчали пружины. Когда я аккуратно расправила юбку и подъюбник, он опустился рядом и посмотрел на меня.

Я медленно вздохнула:

– Идиот, о котором идет речь, – Николас Чаттертон-Джонс. Он брат одной из моих лучших клиенток.

Адам нахмурился:

– Чаттертон-Джонс? Это не... не он владеет инвестиционной компанией? «Орел какой-то» или как-то так?

– Это он.

Адам присвистнул:

– Тот, который практически сыграл в регби за сборную Англии, но ему помешала травма?

Я еще больше ослабела и лишь кивнула головой в знак согласия. Я знала каждую дату и каждое событие из личной биографии Николаса, и довольно много о предыдущих трех поколениях семьи Чаттертон-Джонс. Иногда доступ к Интернету может стать злейшим врагом девушки.

Я посмотрела на Адама и глубоко вздохнула. Мы оба знали игру, в которую собирались играть. Мы всегда делали это друг для друга, когда одному из нас было плохо. Друг А излагает суть проблемы, а друг Б кивает в нужных местах и вставляет подходящие комментарии, даже если эти комментарии а) чрезмерно оптимистичны, б) явно ложные.

– Я ему ни капельки не нравлюсь, – скорбно сообщила я.

Адам покачал головой:

– Что? Этот парень, наверное, слепой!

При этих словах он улыбнулся, и холодное чувство у меня в животе стало исчезать. На самом деле Адам был гораздо лучшим другом Б, чем я. Он всегда точно знал, что сказать, чтобы подбодрить меня, и он всегда говорил это с дьявольским взглядом – надежный способ заставить меня улыбнуться. Но я знала, что эти глаза скрывают его серьезность, а еще знала, что, несмотря на наши шуточные уколы в адрес друг друга, он верит в меня.

Я же говорила, он мой Лучший друг.

– Все становится хуже, – добавила я, почти начиная наслаждаться своим зрелищным провалом в прошлую субботу. – Я выставила себя полной дурой.

– В это трудно поверить.

Саркастический блеск в глазах Адама заставил меня захотеть его ударить. А еще мне захотелось рассмеяться.

Мы продолжали так еще некоторое время. Я рассказывала об одном провале на вечеринке за другим, а Адам сочувствовал и сочувствовал с точностью и отличным выбором времени для шуток. Только временное веселье от уколов Адама на этот раз не улучшило моего настроения. Чем больше мы говорили, тем угрюмей я становилась. И казалось, даже Адам вздрагивает с каждой новой ужасающей деталью, и я была уверена – друг Б старается изо всех сил, чтобы сохранить улыбку. Мы оба замолчали, зная, что наша игра подошла к концу и продолжение не спасет ситуацию.

– Что я делаю неправильно? – прошептала я.

Адам был мужчиной. И хотя они с Николасом принадлежали к совершенно разным типам, у них должно быть больше общего, чем просто биология. Вот оно! Вот что общего у Адама и Николаса. Я села прямо и посмотрела на Адама:

– Почему ты не считаешь меня привлекательной?

Если я смогу понять это, может, я смогу найти способ достучаться до Николаса.

Адам выглядел ошеломленным. Думаю, это неудивительно. Мы никогда не говорили о том, что он мальчик, а я девочка. Я знала, он с радостью бы избежал этой темы для разговора, но я хлопнула ресницами и посмотрела на него взглядом «пожалуйста»...

Несколько секунд он просто шевелил челюстью.

– Я никогда не говорил, что не считаю тебя привлекательной, Корина. Парень должен быть без сознания, чтобы не счесть тебя привлекательной.

Пришла моя очередь удивиться.

Адам пожал одним плечом. Его ленивая манера вернулась, и казалось, его совсем не волновало то, что он только что сказал.

– Тогда почему ты не... Почему мы никогда...

– Не встречались? – предположил он. – Я видел, как ты обращаешься с мужчинами, помнишь? Я никогда не прыгал через обручи для тебя, и никогда не буду.

Я прерывисто вдохнула. Не было никогда никаких обручей! Ну... не для Адама!

Он прочитал мои мысли и понимающе посмотрел на меня:

– Как там было? Ах да. Я помню...

Он довольно неплохо изобразил мое хлопанье ресницами и добавил низких, более мягких ноток в свой голос. Должна признать, получилось очень похоже на меня.

– «Адам, дорогой, ты не мог бы пойти со мной на вечеринку сегодня вечером? Знаю, что я поздно предупреждаю, но мне очень нужна моральная поддержка».

И он смахнул воображаемые волосы с плеча, и я, забыв про свой шок, захихикала. Странно, но Адам не смеялся.

– А когда мы пришли на вечеринку, я понял, что моя роль была скорее «подсадная утка», чем моральная поддержка.

Я перестала смеяться.

– Это неправда! – Я закусила губу – сделала это по привычке, но знала, что так я выгляжу очень привлекательно. – Это было очень давно. Мы еще были подростками. Подростки делают много глупостей.

– Как, например, поцеловать своего лучшего друга на глазах у всех, потому что новый Ромео оказался довольно крепким орешком?

Черт. Я и правда это сделала? Я просто слишком увлеклась.

После вечеринки у Шэрон Адам не разговаривал со мной целый месяц, хотя я подмазывалась, ныла и использовала каждую уловку из книги, чтобы заставить его простить меня. В конце концов однажды я просто пришла к нему домой – у меня не было заготовлено никаких хитростей, я даже не была накрашена – и умоляла его дать мне еще один шанс, сказать, что мы снова друзья. В моей жизни была огромная дыра размером с Адама. И я не могла продолжать жить с ней. Она разрывала мое сердце.

Адам простил меня. В конце концов. Но с тех пор мы молчаливо согласились не обращать внимания на элемент мальчик-девочка в наших отношениях, и я явно хорошо постаралась, если смогла забыть, как отвратительно я себя повела.

– Прости меня, – тихо сказала я. – Я ужасный человек. Неудивительно, что Николас Чаттертон-Джонс не хочет иметь со мной ничего общего.

И на этот раз я не напрашивалась на комплимент. Я правда так думала.

Адам снова притянул меня к себе и вздохнул:

– Не глупи. Ты потрясающая. И знаешь это. Просто я понял, что ты не позволишь мужчинам в твоей жизни стать больше чем просто щенками, а я отказываюсь носить ошейник и поводок ради кого бы то ни было, даже тебя. И по этой причине, и еще несколькими, я решил, что нам лучше быть друзьями.

И он поцеловал меня в макушку.

Уголок моего рта попытался улыбнуться.

Адам продолжал говорить, и я чувствовала его теплое дыхание у себя в волосах.

– Я должен тебя предупредить... ну... прости, что говорю это, но я думаю, здесь у тебя нет шансов. Тебе лучше найти себе другой объект для дрессировки.

Прошу прощения? По его интонациям трудно было поверить, что ему на самом деле жаль.

Я села ровно и посмотрела на него:

– Что ты имеешь в виду?

Он колебался, и я стала надеяться, что он закончит этот разговор. Но вместо того, чтобы посмотреть на свои потертые старые кроссовки, он взглянул мне прямо в глаза. Я замерла.

– Парни вроде Чаттертона-Как-Его... Ну, иногда меньше – это больше. Вот и все, что я хочу сказать.

– Ты считаешь, я слишком... – Я замолчала, не зная, как назвать себя.

– Может быть.

Я нахмурилась:

– Но я такая, какая есть! Николас Чаттертон-Джонс может быть хоть Господом Богом, но я не собираюсь меняться ни для кого.

Адам покачал головой:

– Я не это хочу сказать. Просто под всем этим... – Он махнул рукой, указывая на мои волосы, покрытые слоем лака, помаду, платье. – Есть девушка. Не забывай об этом.

– Что делает тебя таким экспертом в отношениях? – спросила я угрюмо, скрещивая руки и прислоняясь к другому краю дивана. – У тебя не было серьезных отношений с девушкой после Ханны, а с тех пор прошло целых два года.

Адам принял такую же позу, как и я, скрестив руки.

– Я много работал, чтобы начать бизнес. У меня не было времени для отношений. В отличие от некоторых я не считаю, что играть людьми и бросать их, когда мне удобно, – это справедливо.

Видите? Вот почему мне не следовало никогда входить на эту территорию. Все становилось ужасно запутано, и милый, улыбающийся, веселый Адам совсем исчез. Я предполагала, что и я не так очаровательна, как обычно, но не собиралась отступать и позволять своему лучшему другу продолжать анализировать мое поведение.

– Ты никогда не рассказывал мне, почему вы с Ханной расстались. Она устала от того, что ты все время возишься в сарае на заднем дворе?

Это удар ниже пояса, я знаю. Но роль Адама заключалась в том, чтобы заставить меня почувствовать себя лучше, а не пинать меня, когда я уже и так на полу.

Он отвернулся.

– Я не любил ее. Хотел бы, но не любил. И несправедливо было по отношению к Ханне притворяться.

Проклятье, Адам! Как только я приготовилась к ссоре, ему тут же понадобилось быть искренним.

Он снова посмотрел на меня, я нечасто видела такой взгляд.

– Ненавижу, когда ты начинаешь так говорить о моей работе. Я горжусь тем, чего добился. И я просто хотел тебя поддержать.

Все. Я чувствовала себя полной задницей. Он был прав. Я нападала на своего лучшего друга только потому, что какой-то парень отказался сразу упасть к моим ногам. Я вела себя низко.

– Прости меня, – сказала я. И продолжила бы, но у меня в горле был комок размером с одну из моих брошей.

Адам положил свою руку поверх моей и сжал ее:

– Извинения приняты. А тебе и правда плохо из-за этого Николаса, да?

Он выглядел так, словно он разделял мою боль. Я кивнула, и все внутри сжалось. Обычно я не плачу. А кто плачет, когда на нем жидкая подводка и три слоя туши? Но я чувствовала жжение в носу и знала – слезы угрожающе близко.

Может, бабушка права. Может, что-то тикает у меня внутри. В конце концов, мне почти тридцать. Но, учитывая, что я... это я, очевидно, в конце жизни меня ждет огромный взрыв, а не мирное тиканье. Бабушка всегда говорила, что я не могу сделать ничего, не устраивая из этого целое представление.

Адам придвинулся ко мне, и теперь его плечо касалось моего. Он наклонился, чтобы посмотреть мне в глаза, и легко толкнул меня локтем:

– Кориана?

Моя нижняя губа выпятилась.

– Может, ты прав. Может, меня слишком много для Николаса Чаттертона-Джонса. – Я пожала плечами и слегка приподняла голову, чтобы посмотреть на него. – Это спорный вопрос в любом случае. Пару дней назад я выяснила, что скоро Николас может уйти с рынка. Ходят слухи, у него новая девушка.

Адам криво улыбнулся:

– Раньше тебя это никогда не останавливало.

Я ударила его по плечу:

– Это звучит ужасно! Я никогда ни у кого не краля мужчину. Я ничего не могу поделать, если они всего лишь раз видят меня и понимают, что не смогут дальше жить без меня.

Адам сжал губы и глубокомысленно вздохнул:

– Вот что я люблю в тебе – твою несравненную скромность.

Я снова его пихнула. И улыбнулась. Как он это делает?

Он сжал кулаки и легко стукнул меня по плечу.

– Итак? Кто эта девушка? Как думаешь, ты сможешь с ней разобраться?

Я отмахнулась от его рук, но он продолжал мягко бить по моему плечу, как делают боксеры, когда разминаются с грушей.

– Я отправлю тебя в нокдаун через минуту, если ты не прекратишь! – сказала я со смехом.

В глазах снова появились дьявольские искорки.

– Ты только обещаешь, – сказала он.

– Это ужасная Луиза Фэншоу, – сказал я.

Если бы речь шла о драке, возможно, я бы смогла с ней разобраться. Она была одной из тех худышек, которых сносит порывом ветра. Хотя я бы не стала рисковать сломать об нее ногти, поэтому на этот счет она могла быть спокойна.

– Да. Я слышал, как она ужасна, – ответил Адам, – со всей своей благотворительностью... посещением больных детей в госпиталях и сбором средств для бездомных. Совершенно отвратительна.

Я пихнула его локтем под ребра. Он должен быть на моей стороне. Я решила направить свой гнев на отсутствующую Луизу.

– Когда не порхает по подиуму на показе какого-нибудь вычурного дизайнера, – заметила я.

И подумала о Луизе Фэншоу, ее тонких ногах и больших кукольных глазах. Она не была красивой, но я соглашалась с тем, что она привлекательна. Женщины, окружавшие Николаса, были пугающе похожи друг на друга. Это определенно его типаж – утиные лица и невероятная худоба.

Я снова вздохнула. Луиза был тем «меньше», о которой говорил Адам. Я посмотрела на свою грудь. «Меньше» у меня было мало. Я приговорена.

Я собиралась сказать об этом Адаму, но, когда я повернулась к нему, он был невероятно увлечен последним креветочным тостом. Думаю, он почувствовал, что я смотрю на него, потому что протянул мне лоток. Я покачала головой:

– Ешь.

Он проглотил его за один укус и посмотрел мне прямо в глаза:

– Как я сказал...

Его серьезность почти заставила мое сердце выскочить из груди.

– ...этот парень – идиот.

Я почувствовала, как где-то в глубине души зародилась улыбка, и вскоре она появилась на моих губах.

– Я люблю тебя, Лучший друг, – сказала я, обвила руками его шею и притянула к себе.

Глава 3

Признания Корины

Можно подумать, что кто-то настолько тщеславный, как я, должен любить смотреться в зеркало, но иногда я не могу даже взглянуть в него.

Следующие несколько дней я продолжала хандрить, и чем больше я об этом думала, тем больше мне казалось, что, возможно, бабушка права и что-то во мне тикает.

Конечно, я не сказала бабушке, что, может, я нахожусь на грани того, чтобы начать строить серьезные отношения с кем-нибудь, когда навещала ее в прошлое воскресенье. Иначе она бы тут же заставила меня сходить в церковь и назначить дату свадьбы. А я в настоящий момент чувствовала себя готовой только к мыслям о том, чтобы быть с одним человеком долгое время.

Когда я была в гостях у бабушки, мы делали то же, что и обычно, – ели жаркое на обед, пили чай и смотрели старые черно-белые фильмы по телевизору. После обеда я совершила свой ритуал – отправилась в гостевую спальню, открыла старый шкаф и посмотрела на платья, висящие там в пластиковых пакетах.

Это были мамины платья. Она умерла лет десять назад, в убогом маленьком отеле в Блэмпле, убитая тихо, незаметно и безболезненно неисправным бойлером, выделяющим угарный газ. А когда она не появилась в клубе к своему выступлению, они просто вписали другую певицу в афишу и продолжили вечер. Нельзя так просто заменять кого-то, разве нет? Людей должны помнить за их уникальные качества, даже если вы не уважаете или не понимаете выбор, который они сделали в своей жизни.

Как я и сделала в большинстве случаев, я достала только одно мамино платье для выступлений и внимательно его рассмотрела. Оно было с плечиками и блестками, возможно, из тех времен, когда она познакомилась с отцом. Я могла представить себе маму, с прической в стиле Джоан Коллинз, зафиксированной половиной баллончика лака для волос, поющую нежную рок-балладу в микрофон, с закрытыми глазами, не скрывающую своих эмоций. У нее был приятный голос. У меня дома было несколько кассет, но я редко их слушала – слишком боялась, что они могут порваться или заездиться.

У нее был сильный низкий голос, она могла выразить каждую эмоцию в песне, пела ли она громко или заставляла зрителей прислушиваться к словам. Она заслуживала большего успеха, чем имела. Может, она бы его добилась, если бы занималась своей карьерой, а не моталась за отцом по всей стране.

– Ну же, отнеси их в свой магазин и заработай на них несколько фунтов, – сказала бабушка у меня за спиной.

Я не слышала, как она вошла в комнату. Я покачала головой, аккуратно повесила платье на место и закрыла дверь шкафа.

Бабушка сочувственно улыбнулась мне:

– Чай? И фильм с Дирком Богартом начинается через несколько минут.

Я стряхнула с себя грусть, которая собралась, словно пыль на заброшенных маминых вещах, и улыбнулась в ответ:

– Было бы отлично. – И я пошла в гостиную вслед за бабушкой.

– Печенье с кремом?

Я подняла глаза и увидела, что бабушка протягивает мне потертую жестяную банку, в которой в 1973 году лежало рождественское печенье. Начались титры фильма, поэтому я взяла пару печений, положила их на подлокотник кресла и приготовилась окунуться в мир, где мужчины благородны, у женщин невероятные брови, а скрипки выражают все эмоции, пока актеры

стоят поджав губы и стиснув кулаки. Мне нравилась идея стоять без движения в моменты кризиса, элегантная и драматичная, а в это время оркестр играет вокруг тебя.

Фильм длился минут десять, когда зазвонил мой телефон. Бабушка что-то недовольно пробормотала, но не оторвала взгляда от Дирка, который выглядел таким красивым на экране, поэтому я взяла свой чай и вышла на кухню, чтобы ответить.

– О боже, дорогая! Я так рада, что не попала на автоответчик!

– Привет, Иззи. Чем я могу...

– У меня возникла потрясающая идея, дорогая, ты просто обязана мне помочь! Я собираюсь устроить вечеринку за городом! – закричала Иззи. – Мама и папа уезжают на юг Франции на весь июль, и они разрешили мне взять дом на целые выходные. Это же классная идея!

Она сделала паузу, возможно ожидая, когда я очнусь от обморока восторга. Но я не была в восторге. Мне в голову не могло прийти ничего хуже: грязь, дождь, лошадиный смех, все одеты в твидовые штаны и стреляют по всему, что движется. Я пас.

– Ну, что ты думаешь? – нетерпеливо спросила Иззи.

– Классно, – ответила я, позаимствовав ее выражение. Ни одно из тех слов, которые были у меня в голове, не подошли бы. – Но при чем тут я?

– Это уик-энд в стиле загадочного убийства.

Хорошо. Знаю, что по сравнению с семьей Чаттертон-Джонс я простая девушка, но неужели я похожа на человека, который знает, как прикончить кого-нибудь? Должно быть, дело в акценте. И хотя мой не был таким сильным, как кокни, Иззи и ей подобные, наверное, думали, что я знаю Ист-Энд как свои пять пальцев и что я дальняя родственница братьев Крэй или потомок Джека-потрошителя.

– Я... э... я никогда на таких не была, – сказала я. – А что понадобится?

– Я хочу сделать все как положено – костюмы и все такое, вот где мне и понадобится твоя помощь.

О боже.

– Я не перенесу этих ужасных магазинов костюмов, – беспечно добавила она.

Я хихикнула. Мне тут же представилась картина: Иззи в костюме Супермена с накачанным прессом и бицепсами, и мне стало очень трудно внимательно ее слушать.

– ...поэтому, если ты сможешь все это найти, будет просто шикарно.

А? О господи. Я опять отключилась. К счастью, у меня в запасе было много фраз на подобный случай. Стараясь говорить серьезно, я спросила:

– Ты не могла бы рассказать конкретнее, что тебе нужно?

Иззи погрузилась в долгие объяснения о том, что она хочет настоящие вещи из тридцатых для ее уик-энда в стиле убийства Агаты Кристи, и, клянусь, если бы я была персонажем мультфильма, у меня в глазах крутились бы цифры, щелкая, как кассовый аппарат. Дневная одежда, вечерняя одежда и аксессуары для восьми человек! И Иззи берет только самое лучшее. И мне было все равно, если ради этого я пропускала Дирка в бабушкином стареньком телевизоре. Если в следующем году дела пойдут хорошо, то можно подумать об открытии еще одного магазина «Сундучок Корины» где-нибудь поближе к Вест-Энду, а связи Иззи помогут мне быстрее наладить торговлю.

– Это будет просто супер! – верещала Иззи. – У нас для каждого есть роль! И отправлю тебе по поч те каждую, чтобы ты смогла начать подбирать одежду.

– Каков бюджет?

Как я и предполагала, голос Иззи стал пренебрежительным.

– Мне важно, чтобы все было сделано хорошо, а не сколько все будет стоить, – сказала она, а потом хихикнула: – Для тебя у меня самая классная роль!

Я подняла брови. Я надеялась, что она скажет, что я в списке гостей, но не хотела принимать в этом участие. Это могла быть просто деловая поездка. Я широко улыбнулась.

Иззи стала рассказывать мне о разных персонажах, которых определили для нее нанятые ею организаторы: лордах, леди, прислуге и дебютантах. А потом стала зачитывать список гостей. Когда она назвала Николаса, мое сердце бешено забилося.

– Не могу дождаться, – мягко сказала я.

Теперь я не просто с нетерпением ждала бенефиса Иззи. Нет, правда. Это был мой шанс! Я смогу расслабиться и пообщаться с Николасом за пределами душевной переполненной коктейльной вечеринки. Я смогу немного отдохнуть, как предлагал Адам, и Николас увидит меня веселую и спокойную. Я все четко видела: легкие коктейли в гостиной перед ужином, свежие туманные деревенские утра...

Иззи произнесла решительно:

– И ты должна привезти с собой мужчину!

Я была погружена в фантазию, где мы с Николасом прогуливались по тихому лесу с полями колокольчиков. Я наступила в кроличью нору и подвернула лодыжку, поэтому он взял меня на руки и нес назад в дом так легко, словно я была почти невесомой. (В конце концов, это же фантазия!) И, положив голову ему на плечо, я почти чувствовала аромат его лосьона после бритья...

– Что? – спросила я немного слишком резко.

– Все отменяется, если ты не сможешь, – сказала Иззи. – Я в отчаянии. Джонти сломал ногу, прыгнув с тарзанкой, и сейчас он застрял в Новой Зеландии, а Джонатан отказывается пропускать какой-то кошмарный матч по крикету. Ты должна привезти кого-нибудь!

Колокольчики, кроличья норка, приятное чувство защищенности в руках Николаса? Все они исчезли в тумане, о котором я мечтала. Я была рада, что Иззи меня не видела, потому что я чувствовала, как соединились мои брови и как сжались челюсти.

Последнее, что я хотела, – это приводить мужчину на вечеринку Иззи! Это же все испортит. Я уже усвоила урок Адама – нехорошо появляться с одним мужчиной, чтобы привлечь внимание другого, поэтому мне не удастся побыть с Николасом наедине, если вокруг меня все время будет крутиться какой-нибудь безнадежно влюбленный парень. И я не хотела давать никому из них ложную надежду. Единственный мужчина, который интересовал меня в данный момент, был Николас, и несправедливо вводить кого-то другого в заблуждение.

Что там Адам говорил насчет игр с людьми позавчера? Хм. Я решила, что пора взрослеть.

– Ты поздно вато предупреждаешь, – пробормотала я Иззи, но она лишь рассмеялась:

– Не верю, что у тебя нет сотни мужчин, готовых из кожи вылезти, чтобы провести с тобой выходные. Ты что-нибудь придумаешь.

Я надулась. Иногда такая репутация, как у меня, – это не слишком хорошо. Не то чтобы я была распутной. Я получаю много внимания от мужчин – и мне это нравится, – но я стараюсь не поощрять их, если они мне неинтересны. И я очень разборчива. И в моей жизни было гораздо меньше мужчин, чем думает большинство людей.

Черт. Что мне теперь делать? Мне правда нужно добиться успеха в эти выходные. Может, мне удастся отмахнуться от Иззи, надеясь, что она просто нагоняла атмосферу, говоря, что это главное условие? Одной из причин, почему мне нравилась Иззи, было то, что она непредсказуема и склонна к неожиданным капризам, как и я. Если она будет в дурном настроении, когда я скажу ей, что еду одна, она может просто прекратить наше общение. Что-то в этом роде сделала бы я на ее месте.

А потом мне в голову пришла идея. Прекрасная в своей простоте, за исключением того, что мужчина, о котором я подумала, никогда на такое не согласится. Но Иззи права: я что-нибудь придумаю.

– Не волнуйся, – весело сказала я, – у меня на примете есть замечательный парень.

– Почему у меня такое ужасное чувство, что здесь какой-то подвох? – спросил меня Адам с другого конца лодки.

Мы находились под высокими платанами в углу пруда, и я не видела его выражения лица, потому что яркое июньское солнце было прямо у него за спиной, заставляя меня щуриться. Однако, хотя он и был одним большим пятном, я знала, что у него блестят глаза.

Блеск в его глазах был хорошим знаком. Обычно он означал, что Адам хочет сказать «да», на что бы я ни пыталась его уговорить согласиться, но пока он просто развлекался.

Я поправила зонтик.

– Почему здесь должен быть подвох? – сладко спросила я.

– О, я не знаю. – Весла вынырнули из воды и продвинули нас вперед с легким рывком. – Может, потому что ты пригласила меня на дневную прогулку в Гринвич-парк – отдохнуть и расслабиться, как ты сказала, – и в конце концов я делаю всю работу, а ты в это время сидишь и лижешь мороженое в рожке.

– Я сказала, что куплю и тебе мороженое, когда у нас закончится время, – ответила я. Я не понимала, почему он жалуется.

Весла снова ударились по воде, и я не смогла не заметить мускулы на предплечье Адама, когда мы снова оказались на солнце. Они напрягались и расслаблялись. Было что-то очень завораживающее в том, как гребет мужчина. Надо будет сделать так, чтобы оказаться в лодке с Николасом во время этих выходных. Где-то в поместье Чаттертонов-Джонсов должно быть озеро.

Я решила немного потренироваться и попыталась принять красивую позу в своем конце лодки, изо всех стараясь выглядеть элегантно и утонченно.

– Ну вот, ты снова обещаешь, – пробормотал Адам.

Я закрыла глаза и улыбнулась, подставляя лицо солнцу.

– Я просто прошу лизнуть один раз, – мягко сказал он, и я запоздало поняла, что мы скорее просто плывем по течению, чем гребем.

Я открыла глаза и обнаружила Адама гораздо ближе, чем ожидала. В его глазах отражалось солнце. Я поправила зонтик. Наверное, я сдвинула его, когда закрыла глаза, потому что сейчас мои щеки горели.

Почему-то я не нашла ни одной причины, чтобы отказать. Он наклонялся все ближе и ближе, и по его лицу расплывалась улыбка. Шоколад в его глазах начинал таять. Я не могла оторвать взгляда от них, таких волнующих и теплых, заполняющих все вокруг, пока не стала видеть только их. Это было странно, потому что мы почти не двигались, и в этот момент я почувствовала приступ морской болезни.

Когда он был достаточно близко, чтобы лизнуть мое мороженое, когда мы были оба под моим зонтиком и казалось, кроме нас в Гринвич-парке нет никого, я почувствовала рывок, и рожок выскользнул из моей руки. А потом неожиданно лодка накренилась, раздался всплеск, и я поняла, что сижу в лодке одна, а Адам идет по колено в воде к краю пруда, огороженного камнем, поедая мое мороженое большими кусками и смеясь.

Я так удивилась, что почти уронила свой зонтик. В этом случае у Адама действительно были бы большие проблемы. Зонтик был сделан из тончайшего кремового кружева, и за несколько лет я не нашла ни одного такого же красивого. Я поймала его как раз вовремя и закрыла. Все еще слыша смех Адама с берега, я пересела на его место и взяла весла.

Спорю, вы думали, что я не умею грести. А я умею. И у меня это неплохо получается. Катание на лодках было дешевым развлечением в детстве, и мы с бабушкой часто приходили сюда солнечными днями.

Хорошо, что я сидела спиной к Адаму, потому что я закипала от злости. При виде того, как я профессионально гребу к нему, он почему-то еще громче рассмеялся. Мне хотелось его убить.

Но я не могла. Мне нужно было, чтобы он оказал мне услугу. Довольно большую. И если это означало заткнуть свою гордость, чтобы продолжать свой бизнес и заполучить мужчину моей мечты, то пусть так. Я буду взрослой, и пусть Адам ведет себя как ребенок.

Я доплыла до каменного выступа пруда и попыталась скрыть свое раздражение. К тому времени, когда я аккуратно вылезла из лодки, послав воздушный поцелуй неряшливому подростку, который следил за прудом, чтобы тот отвел лодку в нужное место вместо меня, я была сама элегантность и спокойствие. У меня в голове был образ Грейс Келли, и я собиралась ей соответствовать.

Я догнала Адама у палатки с мороженым, где он покупал мне новое, полное шоколадных хлопьев и клубничного соуса. Я выхватила его у Адама и пошла прочь.

– Теперь ты мне должен, – сказала я.

К его чести, он не отказался. Ну, не сразу. Мы шли, занятые мороженым, пока не оказались на полпути к вершине холма.

– Я не думаю, что мороженое может компенсировать целые выходные за городом.

Может, он и прав, но я же не собиралась это признавать?

– Это очень хорошее мороженое, – сказала я, кладя в рот последний кусочек рожка.

Адам молчал. Я посмотрела на него и увидела, что он глотает. С трудом. У него было странное выражение лица, и у меня возникло ужасное чувство, что он собирается сказать нечто, что мне не понравится, поэтому я снова пошла вверх.

Он быстро меня догнал.

– Приходи посмотреть мой последний проект, и мы будем квиты, – сказал он.

Я вздохнула:

– Я посещала все, что ты построил за последние несколько лет.

Адам покачал головой:

– Уже давно нет вообще-то. Ты удивишься, когда увидишь, чем я сейчас занимаюсь.

Меня это не убедило. Летний домик – это летний домик, а хижина – это хижина. Не то чтобы я не гордилась им из-за того, что он смог превратить свое хобби в бизнес, который помогал ему держаться на плаву, но это трудно назвать гламурным.

– Значит, то, что ты делал в Кенте, – это совершенно другое?

– То я закончил несколько месяцев назад. Я говорю о проекте отеля в Малайзии.

Я почти подавилась последним кусочком мороженого.

– Я не могу позволить себе перелет туда! Сейчас я вкладываю все свободные деньги в «Сундучок Корины».

Голос Адама звучал напряженно, когда он ответил.

– Я не прошу тебя платить, – сказал он, – я прошу тебя поехать.

Он пошел быстрее, и мне пришлось бежать за ним в своих красных босоножках. Я дернула его за рукав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.